

Кто-то едет на Мальдивы,
Кто-то едет на Канары.
Кто-то берегом турецким
очарован-околдован.
Шлях-дороженька, куда ты?
— Не кудыкай! К Светлояру.
Кто куда, а ты, родная,
К русским северам за словом.
— Что мне это слово, право?
Я за ним в карман не лезу!
Я уже давно мечтаю
Нежиться на пляже южном...
Что мне проку в этой славе,
Что горька и бесполезна?
Мне от этой лютой стервы
Ничего уже не нужно.
— Что ты поднимаешь кипеж,
Как спесивая девчонка?
Разве русскому поэту
Так вести себя пристало?
Ждет тебя заветный Китеж...
Кипятись, да помни это!
Ты по праву — китежанка,
А тебе и горя мало!
Шлях-дороженькой была я.
И во что я превратилась?
В путь единственно возможный...
Так что сокрушаться поздно.
...Шлях-дороженька, родная,
Сделай божескую милость!
Я хочу туда, где светят
С неба ласковые звезды...

Ей не впервой по осеням невеститься,
Ведь за погляды денег не берут,
Не призывая на себе повеситься
По автострадам мчащихся иуд.

Ты можешь кипятиться, спорить, ссориться,
Но разве не иуды ты и я,
Сбежавшие когда-то в мегаполисы
От сельского наивного житья?

Полным-полно таких по мегаполисам
Серебрянникам скорбный счет ведут...
За нас она и кается, и молится,
За нас, за неприкаянных иуд.

Она дрожит, не злясь на нас нисколечко.
Невинная — исполнена вины!
И добавляет терпкой зябкой горечи
В осенние пророческие сны.

И жарко закипают богоданные
Предательские слезы на щеке,
Когда осина, солнцем осиянная,
Сгорает на осеннем сквозняке.

* * *

Багрец всему — и тополям, и кленам,
Калине, что пустили на вино.
И нам, столь непростительно влюбленным
Во все, что смертно и обречено.

В преддверье неизбежной вечной стужи
Ни мускулом не дрогни, ни лицом,
Когда стоишь, боса и безоружна,
Лицом к лицу с кровавым багрецом.

Пойми, ревнуя к малахитам лета,
В себе попутно лучшее губя,
Он по стихам твоим и по приметам
Прицельно выждал, выследил тебя.

Он не забыл, как ты, пренебрегая
Его огнем, что царственно горит,
Смеясь, простоволосая-босая
Сбежала в летний звонкий малахит.

Ты не привыкла жить наполовину,
Помилованья, стало быть, не жди...

Любуясь кистью пламенной калины,
По яголке с улыбкой в рот клади.

Пусть ветер-конвоир толкает в спину
Навстречу золотому багрецу...
...Кровавая окалина калины
На удивленье Родине к лицу.

* * *

Слова-пьянчужки вдоль речушки Пьяны
В Агрызе огрызаются порой...
А в Бондюге словечки-бандюганы
Не дружат с забубенной головой.

Измордовавшись меж мордвой и чудью,
Они смешат Казань и Шумерлю...
Вдыхаю волжский ветер полной грудью,
Взахлеб рифмую и захлеб люблю.

Обвенчанная с ветрами победы,
Овеянная песнями весны,
Я в этот мир пришла вести беседы
О сказках древнерусской старины.

Меня врачует заповедной речью
Застенчивая Заповедь-река.
И дивным сном напомнит мне о вечном
Сноведь-река, начав издавека.

А мимо покаянно-окаянно,
Как опосля крепленого винца,
В кустах петляет пьяной бабой Пьяна,
И в простоте не вымолвит словца...

Пускай порой куда похлеще мата
Названия, что помнят старину,
Для слов, что от рождения крылаты,
Степной простор наотмашь распахну.

Неси, братейко, перелетный ветер,
Стихи, что родились не налегке,
Вертявой Пьяне и лесной Сноведи,
И затаенной Заповедь-реке.

* * *

Смотрит с портрета Владимир Ильич,
Смотрит с иконы Владимир Креститель,
Как на столе воцарился кулич,
И превратилась хрущевка в обитель.

Не вспоминая про свой партбилет,
Видя, как крашенки-яйца лелеют,
Смотрит, лукаво нахмурившись, дед,
Но возражать почему-то не смеет.

Кисти в гуашь окуная с утра
И живописцем себя ощущая,
Словно окрестная вся детвора,
Крашенки в писанки я превращаю.

Родина бодро идет в коммунизм,
Словно в красивую добрую сказку.
Как живописен мой соцреализм
Майской порой на советскую пасху!

Бабушка среди суеты загрустит:
В храм бы, да вот искушает нечистый.
Дедушка в храм ей идти не велит.
Помни, твердит, ты жена коммуниста!

На кумачовых яичках зарю
Я вдохновенной гуашью рисую.
Женечке Чикильдину подарю
И троекратно его расцелую.

Не позабудут вовеки уста
Вкус целомудренных тех поцелуев...
Празднуем мы Воскресенье Христа,
Не поминая Всевышнего всеу.

* * *

До часу рожденья тихи,
О славе мечтая едва ли,
В душе вызревают стихи —
Беспечные дети печали.

Они появляются в срок,
Что Господом Богом назначен.
И между лирических строк
Ликуют вселенные, плача.

И смотрит на строчки поэт,
Как смотрит Творец на творенье:
«Откуда взялось ты на свет?» —
Не в силах унять изумленья.

* * *

Здесь растут без всяких привилегий
Придорожной сорною травой
Россыпи прилудных аквилегий,
Принятых Россией на постой.

Здесь в дожде купается купена,
Предвкушая солнечный потоп.
И ромашки всходят белопенно,
Обживая фронтовой окоп.

Это все она, моя Россия!
Это я, ее родная дочь!
Кашки сами в руки попросились —
Их сорвать хотела — да невмочь!

Прикорнул к плечу татарник милый,
Даже не пытаясь уколоть...
...Эх, напрасно мама попросила
Доченьку картошку прополоть!

* * *

Ох уж эти пестравские бабушки,
Что тебя называют «желанная».
Наколдуют такие оладушки,
Что сидишь, аки гостыюшка званая.

А ведь ты нежданно-непрощенно
Заскочила узнать, сколько времечка?
«Ешь оладьи, моя хорошая!»
И тебя поцелует в темечко.

И, забыв, что зашла ты наскоро,
Наклонишься над старенькой чашкою.
И навстречу качнется ласково
Духовитый чаек ромашковый.

В нем степные просторы пестравские
Уместились, вовек неоглядные...
И сидишь, словно гостя заправская,
Ешь оладушки, бабушку радуя.

Угощаешься всласть смородиной.
Ищешь повод продлить гостевание.
Хоть Пестравка тебе не родина,
Разве знала ты это заранее?..

* * *

Здравствуй, здравствуй, город Муром,
Карачарово-село!
Днем погожим, а не хмурым
Встрелись, всем врагам назло.

Вороны стозевно грают.
Встрепенулся супостат.

Шлях-дороженька кривая
Утекает на закат.

Чую, аспид кривоногий
Соловей-разбойник тут,
Коль березы вдоль дороги
Сплошь покляпые растут.

Обниму березу нежно...
Гой ты, родина, еси!
Разреши собрату валежник,
Слишком строго не спроси.

В поле ласковое выйду.
Ворон грает на меже:
«Соловьи вы только с виду,
Сплошь разбойники в душе!

Глядь, валежник собирали,
Соблюдя царев указ,
А уже и нефть отжали,
Положили глаз на газ.

Позабудь про незалежность,
Прочий суверенитет!
Собирай, браток, валежник
По стране, которой нет...»

Ворон грает. Ветер носит.
Десять бед — один ответ.
Шлях-дороженька не спросит —
Развернется на рассвет!